

Научная статья
УДК 39(393)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159
EDN: JCUVIW

САКРАЛИЗАЦИЯ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ У АДЫГОВ

Тимур Русланович Загазежев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Россия,
КБР, г. Нальчик, zygezezh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее яркие признаки сакрализации намогильных сооружений у адыгов. Данный аспект похоронно-поминальной культуры народа остается одним из малоизученных в отечественном кавказоведении. Работа основана на фольклорных преданиях и полевых материалах автора. В результате проведенного исследования установлено, что надделение магическими свойствами курганов и надгробных памятников, почитание могил героически погибших людей, убитых молнией и др., имело место на всем историческом пространстве проживания адыгов. Выявление и сопоставление многочисленных обрядов, проводимых ранее возле могил как западными, так и восточными адыгами, позволяет сделать вывод о единой основе духовной культуры народа и общности мировоззрения его представителей. Обычай почитания намогильных сооружений уходит своими корнями в древность, но многие его отголоски встречаются и в наши дни, воспринимаясь как часть новой монотеистической религии.

Ключевые слова: адыги, намогильные сооружения, курганы, сакрализация, религиозные верования, погребальный обряд.

Для цитирования: Загазежев Т.Р. Сакрализация намогильных сооружений у адыгов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 149-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159. EDN: JCUVIW.

© Загазежев Т.Р., 2024

Original article

SACRALISATION OF ADYGHE GRAVE STRUCTURES

Timur R. Zagazhev

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, zygezezh@mail.ru

Abstract. The article focuses on the most apparent signs of sacralisation in Adyghe funeral buildings. This feature of the people's funeral and burial culture has received relatively little attention in national Caucasian studies. The work is based on traditional legends and the author's field materials. The investigation revealed that providing magical characteristics to barrows and tombstones, commemorating the graves of heroically dead individuals slain by lightning, and so on occurred throughout the historical territory of Adyghe habitation. The identification and analysis of several rites performed earlier around graves by both western and eastern Adyghe allows us to draw conclusions about the people's spiritual culture and the common worldview of its representatives.

The custom of honouring of grave structures has its roots in antiquity, but many of its echoes are found today, perceived as part of the new monotheistic religion.

Keywords: Adyge, grave structures, barrows, sacralization, religious beliefs, a funeral rite.

For citation: Zagazezhev T.R. Sacralisation of the Adygs grave structures. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 149-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159. EDN: JCUVIW.

© Zagazezhev T.R., 2024

В современных условиях модернизации и социокультурной унификации первостепенное значение приобретает проблема сохранения малыми народами своей этнической идентичности. Процесс глобализации в большинстве случаев сопровождается стиранием устоявшихся границ обитания этноса, изменением привычных условий жизни и хозяйственной деятельности. В изучении духовной и материальной культуры народа особый научный интерес представляют надгробные сооружения. Они как специфический вид исторического и этнографического источника содержат довольно обширную информацию о мировоззрении и мировосприятии этноса. Всестороннее исследование надгробных памятников, включающее в себя не только их датировку, описание внешних параметров, но также и вкладываемый в них сакральный смысл, позволяет приблизиться к более глубокому пониманию ментальности народа.

В отечественном кавказоведении уделяется значительное внимание изучению погребальной обрядности в целом, и этой теме посвящены многие археологические [Левашова 1953; Алексеева 1992; Крупнов 1957; Фоменко 2002] и этнографические [Текуева, Нальчикова 2018; Текуева и др. 2019] исследования. В них содержится обширная информация о типах надгробных памятников, внешней форме курганов, особенностях их расположения, эпиграфических надписях и т.д. Благодаря появлению на свет этих и других фундаментальных трудов многие вопросы, связанные с похоронно-поминальным культом адыгов, получили серьезную научную интерпретацию. Вместе с тем, некоторые аспекты данной обширной проблематики остаются еще недостаточно изученными.

Цель данной статьи состоит в выявлении и описании основных признаков сакрализации надгробных сооружений адыгов.

Объектом исследования являются надгробные сооружения адыгов, а предметом – сакрализация надгробных сооружений как элемент духовной жизни народа.

Для реализации данной цели был отобран и проанализирован разнообразный круг источников, включающий в себя фольклорные предания; труды иностранных путешественников; полевой материал автора. В работе использованы общенаучные методы: анализ, сравнение, и собственно этнографические методы: интервью, опрос, непосредственное наблюдение, метод пережитков.

В традиционной культуре адыгов курганы и надгробные памятники воспринимались не как обычные холмы и надгробные сооружения, возведенные над усопшими для обозначения мест их погребения, а как некая целостная система, завершенная конструкция, несущая сакральную нагрузку. Известно, что в прошлом на курганах запрещалось косить траву и рубить деревья. Кошунством считалось пытаться проникнуть в овечью легендами тайну содержимого курганов, раскапывать насыпь, пытаться заглянуть внутрь насыпей, приносить в дом какие-либо предметы, найденные на кургане [Бгажноков, Фоменко 2016: 20].

В большинстве случаев адыги приписывали магическую силу могилам героически погибших людей, убитых молнией, а также шахидов (в исламе шахиды – люди, умершие за веру) или известных хаджи (в исламе хаджи – мусульмане, совершившие паломничество в Мекку). Сакрализация подобных надгробных памятников выражалась в первую очередь в том, что щепки от них считались оберегом и лекарством от многих болезней. Адыги называют их «кхъащхъэдэсэ ласкIэ». Интересен рассказ Гедгафова Абдулчерима Карашаевича о том, как в 1919 г. был убит ни в чем не повинный человек, Шауцуков Николай, сын Андулы, в связи с чем его возвели в ранг святых, а его могила была наделена магической силой. Посчитав щепки от его памятника средством от малярии, люди начали откалывать их, и за короткий срок полностью разобрали по щепкам весь памятник [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 3. Пасп. № 25. Исп. Гедгафов Абдулчерим Карашаевич, г.р. 1895, с. Дейское КБР. Зап. 1970 г.].

Согласно фольклорным преданиям, таким же образом постепенно был снесен памятник организатора и предводителя крестьянского восстания в Кабарде Дамалея (сер. XVIII в.). Его надгробное сооружение было полностью разобрано по щепкам. Об этом повествует старинная песня о Дамалее, которая заканчивается словами: «...КIунэ и тIыгъэ лъапэр зи кхъахэ (Дамэлей. – Т.З.), уи кхъащхъэхэсэр щауха махуэм уэркъым я лъапсэр сэхынщ» («...Когда от твоего (Дамалея. – Т.З.) памятника ничего не останется, род дворян прекратит свое существование») [Архив радио. Ф. «Адыгские песни и их хранители». Дамэлей. Записано от Хавпачева Амирхана Асхадовича 13.03.1957 г. Запись Секрекова Хасана]. Комментируя эту песню, исполнитель Амирхан Хавпачев отмечает, что, в представлении народа, памятник Дамалея обладал целебными свойствами и щепки от него использовались для лечения малярии. Об этом сюжете рассказывал также А. Шортанов: «...такие же талисманы уносились в Кабарде с надмогильного истукана знаменитого предводителя зависимых сословий Дамалея – Широкоплечега, а в Адыгее – народного героя Кимчерия Ханахока и др. Исцелительный такой осколок от надмогильных камней называется «кхъаскIэ» или «кхъащхъэусэ ласкIэ»» [Шортанов 1992: 17].

В наше время встречаются каменные сооружения, на которых видны следы сколов. Например, от памятника, расположенного недалеко от границы Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании, примерно в трехстах метрах от федеральной трассы «Кавказ», отколота значительная часть. Он возведен на древнем кургане, что позволяет делать вывод о высоком статусе погребенного и

причислении его к святым. Вероятно, что отколотые куски использовались в качестве оберегов.

Лечебными свойствами наделялась также земля с курганов – ее брали и уносили с собой домой для исцеления больного. Вот как описывает это А.Т. Шортанов со слов А.К. Гедгафова: «Часто случалось так, что родственник умершего или убитого тяжело заболел, и когда случалось так, то кто-нибудь из родных уходил на кладбище и, не глядя по сторонам, брал с могилы умершего или убитого две горсти земли и, также, не оглядываясь, приносил домой. Эту землю разбавляли водой и ею купали больного и давали пить» [Шортанов 1992: 17]. Подобный обычай идти с кладбища без оглядки для лечения тяжелых инфекционных заболеваний существовал у удинов. «Если больной не лечится, его берут не глядя, то есть на могилу самоубийцы... водою моют руки и ноги больного над могилой, глиняную чашку разбивают о камень могилы и средний камень могилы поворачивают, после этого уходят и, не глядя назад, возвращаются домой» [СМОМПК 1892: 248].

Адыги верили, что между намогильниками и усопшими, для которых они были возведены, существует непосредственная взаимосвязь. Так, после похорон ближайшие родственники выстраиваются в ряд и поглаживают памятник, словами выражая свое расположение, доброе отношение к покойнику (каб. – *Иэ дэльэж*). Точно так же поступают и при посещении кладбища. А для людей, оставивших о себе недобрую память, ставили столбик, наподобие намогильного (каб. – *тезыртех сын*), и каждый проходящий должен был ударить его кинжалом. Количество таких ударов иногда было настолько большим, что в конце концов от столба ничего не оставалось. Считалось, что с каждым ударом грехи человека, которому поставили этот памятник, сокращаются и прощаются [Информатор Табишева (Лосанова) Мачахан Аюбовна 1932 г.р. сел. Заюково].

Упомянутые обычаи находят яркое отражение в фольклоре адыгов. Приведем несколько сюжетов, содержащих интересную информацию по теме. После убийства известного бжедугского князя Батчерия Хаджимукова в знаменитой Бзюкской битве (1796 г.) ему поставили каменный памятник. И однажды, проезжая мимо него, один из врагов Хаджимукова выстрелил в камень из пистолета, после чего оттуда потекла кровь. Это рассказывается в таком контексте, что посредством выстрела в памятник усопший почувствовал боль [Информатор Хусейн Масхудович Дауров, 1974 г.р. а. Хакуринохабль]. Также сообщается, что на его могилу приходил заболевший малярией человек и обращался к нему со словами: «Дай в долг земли». После этого, больной брал горсть земли, заворачивал в кусок ткани, прятал за пазуху и уходил. После выздоровления он относил землю обратно на могилу, клал ее на то же самое место, откуда взял, а ткань вешал на дерево [Марзей 2004: 253]. Таким образом, по представлениям адыгов, магическими лечебными свойствами обладал не только намогильный памятник, но также и сама земля на могиле павших героев.

В фольклоре балкарцев имеются сведения о малокабардинском князе, поехавшем однажды, погостить к балкарскому таубию в Безенгийское ущелье. Жене таубия понравился кабардинский князь, и она решила убежать с ним. При

выезде из ущелья ее настигли, убили и поставили памятник. И с тех пор каждое утро, после пробуждения, таубий первым делом из окна своей башни пускал стрелу в памятник своей неверной жены.

Еще одним ярким признаком сакрализации надгробных памятников является тот факт, что камни с могил использовались также для обрядов вызывания дождя. В данном контексте представляет интерес рассказ жителя сел. Атажукино (КБР) о том, как на берегу небольшой реки Къардэнтхъэлэ возле намогильного памятника некоего Хаджи-Темруко устраивали всем селением «тхъэльэІу» (моление Богу), прося о ниспослании дождя. И мужчины, и женщины приносили сюда разные кушанья, специально по этому поводу забивали скот. Во время этого обряда один из камней, лежавших на могиле, опускали в протекающую речушку. Как только начинался дождь, камень возвращали на прежнее место [Из личного видеоархива автора. Год записи 2009. Место записи с. Атажукино Баксанского района КБР. Информатор Гедгафов Хусейн Зрамукович, 1932 г.р.].

Аналогичный обряд вызывания дождя встречается у шапсугов. В период засухи они приносили жертвы и обращались к усопшему о ниспослании дождя возле так называемых каменных могил (каб. – *мыжъуакъ*). Это особый вид могил для убитых молнией, которых после всех обрядов хоронили прямо на материке и обкладывали камнями. Прежде чем похоронить убитого молнией, на его правое плечо клали камень яйцевидной формы, а по окончанию погребального процесса этот же камень возвращали на могилу. Смысл данного действия был в том, что, по представлениям шапсугов, камень приобретал магические свойства только после соприкосновения с телом погибшего. Когда возникала вероятность засухи, все мужчины во главе с одним из старейшин рода убитого, отправлялись на могилу, брали лежавший на ней камень и относили его к реке. Далее камень привязывался к палке, которую в свою очередь вбивали в дно речки, а одного из прибывших оставляли сторожить этот объект. Камень относили обратно на могилу сразу после начала дождя, так как считалось, что, если хоть немного переждать, могло случиться наводнение [Мыжей, Пацты 2012: 216-218]. По всей видимости, этот обряд восходит к древности, когда в воду опускали «святые» камни. Например, таким «святым» камнем, обладающим магическими свойствами, по представлениям западных адыгов, являлся так называемый «Хъымышц и мывэ» («камень Химиша»). Обычно его относили в долину реки, где была засуха, опускали в воду и относили обратно после начала дождя [Мыжей, Пацты 2012: 345]. Со временем такую силу начали придавать камням с могил людей, возводимых ранее адыгами в ранг святых.

Обращение к намогильникам с целью вызывания дождя было зафиксировано у причерноморских шапсугов во время экспедиции С.А. Токарева в 1939 г. Суть обряда заключалась в том, что «мужчины шли к «каменной могиле», в которой был похоронен убитый молнией человек, и все босые и без шапок становились вокруг могилы, брались под руки и, приплясывая, двигались по кругу в одну сторону – против часовой стрелки» [Шортанов 1992: 94]. Этот танец обычно сопровождался пением песни с

просьбой о ниспослании дождя. Подростки гнали к могиле коз, баранов, несли мед, бузу, несоленый обрядовый хлеб (каб. – *кабза*). После долгих танцев старик, родственник убитого, с яствами в руках обращался к Богу и к убитому молнией человеку с просьбой послать дождь. Все остальные, стоя на коленях и держа ладони перед глазами, восклицали при каждой его паузе «аминь». После молитвы умерщвлялись все жертвенные животные, дымом убивали пчел, принесенных в ульях. Каждый из присутствующих должен был обязательно попробовать жертвенные яства. Затем родственник убитого брал с могилы камень, имевший яйцевидную форму, и нес его к реке; все мужчины двигались за ним. Около реки камень крепко обвязывался веревкой; веревку привязывали к дереву и опускали камень в воду. У воды специально оставляли человека, который должен был вынуть камень из реки, как только пойдет дождь – опасались, что усилившееся течение реки могло унести камень. В этом случае, по представлениям шапсугов, дождь будет идти непрерывно и затопит землю.

Такой обряд вызывания дождя был широко распространен у адыгов в целом, но особенно ярко сохранилась о нем память в ауле Тхагапш (ныне аул им. Кирова Туапсинского района Краснодарского края), в трех километрах от которого расположена одна из таких могил. Она и теперь почитается многими жителями аула. По преданиям, на этой могиле были три камня, которые использовались для вызывания дождя, но два из них были унесены рекой. В случаях, когда камень уносился рекой, мужчины аула шли к могиле и просили о прекращении дождя. Когда дождь прекращался, камень вынимался через четыре дня и возвращался на прежнее место. Такой способ вызывания дождя шапсуги считали настолько действенным, что, по их мнению, достаточно было только приступить к этому обряду, чтобы начался дождь [Религиозные пережитки... 1940: 39-40].

А.Т. Шортанов в своей работе «Адыгские культы», ссылаясь на научные материалы рукописного фонда ИГИ КБНЦ РАН, рассказывает о другом способе вызывания дождя. Он пишет, что за Ероккой (сел. Ерокко Лескенского р-на КБР) стоит большой каменный памятник, возведенный в память о девушке, погибшей от удара молнии. Вскоре ее могила стала местом молений во время засухи. Чтобы вызвать дождь, к памятнику приходили женщины из окрестных сел и мыли памятник молоком. В то же время обливали собравшихся водой и сталкивали друг друга в реку. Готовили разные кушанья, кормили детей, откалывали кусочек от памятника, заворачивали его в тряпку и опускали в воду [Шортанов 1992: 17-18].

Почитание могил у адыгов выражалось также в том, что они использовались для выявления лиц, совершивших те или иные преступления. Для этого они приводили предполагаемого преступника к каменному склепу и заставляли его ударить рукой по двери святилища. Считалось, что «если он виновен, то сторит, делаясь постепенно черно-пречерным, как клятвopеступник» [Шортанов 1992: 21].

Похоронно-погребальные обряды адыгов, в целом, и конструкции курганов, в частности, претерпевали трансформацию на протяжении веков, начиная с древнейших времен и заканчивая поздним средневековьем (а у

причерноморских адыгов и вплоть до XIX в.), но цель и смысл оставались неизменны – это защита и оберегание покойного. Вероятно, кромлехи и ровики вокруг курганов выполняют функцию оберега. По представлениям адыгов, круг изгонял негативные силы с места, вокруг которого он был очерчен. Предположительно по этой причине существовал и «обычай кругового очерчивания постели больного коровьим пометом для предотвращения от вредного воздействия сглаза» [Шортанов 1992: 131]. Местность, в которой появилась чума, опахивали кругом. Также вокруг селения, в котором была обнаружена заразная болезнь, волочили надочажную цепь. Даже то место, где спотыкался конь, всадник обязательно очерчивал окружностью. О другом обычае, связанном с очерчиванием и кругом, рассказывал Карл Кох: «...четверо или шестеро ближайших родственников обходят трижды вокруг могилы, держа на поводу коня» [Кох 1974: 624].

Сакрализация намогильных памятников у адыгов выражалась также в том, что сны, увиденные на этом месте, считались вещими. В одном из нартских сказаний сообщается о человеке, который заснул на кургане и ему приснился сон, будто бы посещает пир нартов, где ему говорят, что им требуется для потустороннего мира; под влиянием увиденного сна он выполняет соответствующий обряд [Нарты... 2012: 382-383]. В рассказе о двух братьях Ешанокых (каб. – *ЕщIэнокъуэ зэшитI*), которые являются героями многих фольклорных преданий, старший из братьев, бродя в поисках тела убитого младшего брата-подростка, засыпает на могиле. Во сне к нему приходит старик, просит приготовить в честь него поминальную еду и указывает, где спрятано тело его брата [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Кассета № 229. Инв. № 648-ф/8. «ЕщIэнокъуэ Атэбий и таурыхъ». Записано от Аунусова Хаждаута Хаджимурзовича 1933 г.р. в 1983 г. в с. Аргудан]. На известный большой лесистый курган «Iуащхьэцэжь», описанный еще Ш. Ногмовым [Ногмов 1994: 77] самые смелые (т.к. считалось, что там обитают нечистые духи) ходили ночевать наверху, взяв с собой только бурку, будучи убежденными, что сны, увиденные там, обязательно сбудутся.

Это поверье распространялось не только на древние курганы, но и на мусульманские могилы). Люди с теми или иными заболеваниями отправлялись на кладбище и ночевали там, положив голову на могилу умершего родственника. Считалось, что во сне человек увидит, вылечится он от этой болезни или нет [Из личного фоноархива автора. Год записи 2018. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Черкесова Жануас Амировна 1933 г.р.].

Помимо всего прочего, курганы являлись местами для поединков. Это находит отражение во многих историко-героических песнях и преданиях народа. Выражение «Iуащхьэ пIальэ» (*Iуащхьэ* – курган, *пIальэ* – срок) означало вызов на поединок. В старинной песне поется: «Борэжьу бзаджэ!» – жеIэри зы кьоджэ, / Кьаджэ псоми сыдыщIокI, / Iуащхьэ пIальэ кьызет» («Бора старый злой» говоря, вызывает меня кто-то, / Кто бы ни вызывал – всегда выхожу / Встречу на кургане (он) мне назначает) [Марзей 2004: 157].

Некоторые из курганов, традиционно являвшиеся в прошлом местами встреч противников, сохранились и в наши дни: 1) Шужьей и Гуашхэ (курган Шужей); 2) Ехьушчокьуэхэ я Гуашхэ (курган Ехшоковых); 3) Уэзрэдж и Гуашхэ (курган Уазреджа); 4) Абейхэрэ ХьэпцIэхэрэ щызэзэуа Гуашхэ (курган, где сражались Абаевы и Хапцевы); 5) Мэрзей Хьэмэдэ иль щичIэжа Гуашхэ (курган, на котором Мирзоев Хамеда совершил кровную месть); 6) Гьут Аслээнбэчрэ Кьуэгьулькьуэ и кьуэмрэ я Гуашхэ пIальэ (курган, назначенный местом дуэли Гутова Асланбека и Коголкина).

В нартском эпосе есть предание о том, как Сосруко назначает Тотрешу встречу на «Хьэрэмэ Гуашхэ» (Харама курган) [Нарты... 2012: 229]. Именно здесь разворачиваются почти все драматические события, связанные с главными героями эпоса. Считалось, что «только мужественные и богоподобные могут посещать ее священную высоту» [Шортанов 1992: 25].

По рассказу Кушби Харзинова, гора Аушигер (КБР) являлась местом поединков. «Аушыджэр зыхудипIальэц» («Встретимся на горе Аушигер») – говорили, вызывая на бой противника [Из личного видеоархива автора. Год записи 2008. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Кушби Мисхудович Харзинов 1930 г.р. сел. Аушигер]. Самыми известными вершинами-святилищами у кабардинцев, наряду с Аушигером, были Татартуп, холм Еристау и Нартошха. В этом ряду гора Аушигер выделяется по той причине, что на ее вершине было древнее захоронение.

После принятия ислама адыгами самых достойных, по сложившемуся обычаю, продолжали хоронить именно на древних курганах. До наших дней сохранилось множество адыгских мусульманских памятников, расположенных на них. На кургане, расположенном на возвышенности возле сел. Аушигер (КБР) имеется вторичное мусульманское погребение XIX в. Перевод надписи на этом надгробном памятнике гласит: «Шахид, прощенный, погибший в войне с кяфирами Муса сын Маканы. Да простит его Аллах» (Перевод с арабского Пшихачева Фариза Джумгаевича). В Сирии и в наши дни шахидов хоронят именно на возвышенностях [Информатор Пшихачев Фарыз Джумгаевич 1977 г.р.].

Не исчезла также практика проведения народных собраний возле курганов; такие случаи имели место в некоторых кабардинских селениях даже в XX в. Например, после начала советско-финляндской войны (1939 г.) призывники из сел. Аушигер (КБР) собрались в районе кургана Андемиркана, приняли предварительную присягу и поклялись «служить верой и правдой трудовому народу» [Карданов 1993: 6]. Подобные случаи зафиксированы также в с. Н.-Черек КБР и ауле Ходзь в Адыгее.

Продолжают также существовать запреты, связанные с разрушением курганов. И в наше время многие старики о снесенном кургане с осуждением говорят не «Гуашхээр ирахаш» («снесли курган»), а «Гуашхээр якьутащ» («поломали курган»).

Таким образом, в традиционной культуре адыгов намогильные курганы – это не только и не столько холмы, указывающие на места захоронения тех или иных людей, а святилища, особые сооружения, обладающие магическими

свойствами и несущие определенную сакральную нагрузку. Особым почитанием у адыгов пользовались могилы героически погибших людей, убитых молнией, а позднее места захоронения известных хаджи, а также шахидов. Сакрализация подобных надгробных сооружений выражалась в том что: 1) щепки от намогильных памятников, а также камни и земля с могил наделялись целебными свойствами и использовались для лечения многих заболеваний; 2) обряды вызывания дождя, коллективные прошения Богу, собрания по случаю тех или иных событий и т.п. организовывались и проводились возле курганов; 3) сны, увиденные на надгробных холмах или неподалеку от них, считались вещими; 4) в большинстве случаев именно курганы становились местами для поединков и др.

Обычай почитания курганов возник в древности, но так глубоко внедрился в сознание народа, что некоторые его отголоски сохранились и по сей день. Несмотря на то что традиционные религиозные верования в своей основе со временем были замещены монотеистической религией и абсолютное большинство представителей народа сейчас исповедуют ислам, тем не менее суеверия, связанные со строжайшим запретом разрушения курганов, последствиями которого считают скорую смерть нарушившего запрет, его семьи, ниспослание с неба каменного дождя и т.п., продолжают существовать, а намогильные памятники и надгробные холмы остаются местом прошений и народных собраний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АБККЕА 1974 – *Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
- Алексеева 1992 – *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
- Архив Радио – Архив Радио ВГТРК ГТРК «Кабардино-Балкария».
- Бгажноков, Фоменко 2016 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Курганы в окрестностях селения Урвань. // Вестник КБИГИ. – Вып. 4 (31). – 2016. – С. 15-32.
- Из личного видеоархива автора – *Личный видеоархив автора.*
- Из личного фоноархива автора – *Личный фоноархив автора.*
- Карданов 1993 – *Карданов Ч.Э.* Групповой портреты в Аушигере. Годы и судьбы. – Нальчик: Эль-фа, 1993. – 608 с.
- Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.
- Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Наука, 1957. – 175 с.
- Левашова 1953 – *Левашова В.П.* Белореченские курганы / Труды Государственного исторического музея. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. – Вып. 22. – С. 170-175.
- Марзей 2004 – *Марзей А.* Черкесское наездничество – «зеклуэ». – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 302 с.
- Мыжей, Пацты 2012 – *Мыжей М., Пацты М.* Адыгэ мифологиём и энциклопедие. – Майкоп: ИП Паштов З.В., 2012. – 460 с.
- Нарты... 2012 – *Нарты.* Адыгский эпос. Т. I. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 423 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Религиозные пережитки... 1940 – Религиозные пережитки у черкесов – шапсугов: Материалы научной экспедиции 1939 г. / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. – М.: Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова., 1940. – 82 с.

СМОМПК 1892 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – Вып. XIV. – Тифлис: Типография канцелярия Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1892. – С. 59-212.

Текуева и др. 2019 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Этнография кладбищ Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151>.

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>.

Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. – Пятигорск: Технологический университет, 2002. – 76 с.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН– Фоноархив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культуры. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 164 с.

REFERENCES

Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 635 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkessii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. – M.: Nauka, 1992. – 216 p. (in Russ.).

Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research] (in Russ.).

Arkhiv Radio [Radio Archive]

BGAZHNOKOV B.Kh., FOMENKO V.A. *Kurgany v okrestnostyakh seleniya Urvan'* [Mounds in the vicinity of the village of Urvan]. IN: *Vestnik KBIGI*. – Vyp. 4 (31). – Nal'chik, 2016 g. – P. 15-32. (in Russ.).

Lichnyj videoarhiv avtora [Personal video archive of the author] (in Russ.).

Lichnyj fonoarhiv avtora [Personal phono archive of the author] (in Russ.).

KARDANOV Ch.E. *Gruppovoi portreti v Aushigere. Gody i sud'by* [Group portrait in Aushigere. Years and destinies]. – Nal'chik: El'-fa, 1993. – 608 p. (in Russ.).

КОН К. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Journey through Russia and the Caucasian lands]. IN: *Adygi, balkarcy i karachaevtsy v izvestijah evropejskikh avtorov XIII–XIX vv.* / Edited by V.K. Gardanova. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 585-628. (in Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – M.: Nauka, 1957. – 175 p. (in Russ.).

LEVASHOVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorechensky burial mounds] IN: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noj literatury, 1953. – Vyp. 22. – P. 170-175. (in Russ.).

MARZEI A. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «zeklue»* [Circassian horsemanship]. – Nal'chik: El'-fa, 2004. – 302 p. (in Russ.).

MYZHEI M., PASHTY M. *Adyge mifologiem i entsiklopedie* [Encyclopedia of Adyghe mythology]. – Maikop: IP Pashtov Z.V., 2012. – 460 p. (in Russ.).

Narty. Adygskii epos [Sled. Adyghe epic]. – T. I. – Nal'chik: ООО «Tetragraf», 2012. – 423 p. (in Russ.).

NOGMOV Sh. *Istorija adyhejskogo naroda* [History of the Adykhean people]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 232 p. (in Russ.).

Religioznye perezhitki u cherkesov – shapsugov: Materialy nauchnoi ekspeditsii 1939 g. [Religious survivals among the Circassians – Shapsugs: Materials of the scientific expedition of 1939.] / Edited by S.A. Tokareva i E.M. Shillinga. – M.: Mosk. ordena Lenina gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 1940. – 82 p. (in Russ.).

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. – № XIV. – Tiflis: Tipografija kanceljarija Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoju chast'ju na Kavkaze, 1892. – P. 52 – 212. (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A., GUGOVA M.H. *Jetnografija kladbishh Central'nogo Kavkaza* [Ethnography of the cemeteries of the Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2019. – № 2. – P. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151> (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamjatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza* [Tombstone memorial signs among the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2018. – № 3. – P. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>. (in Russ.).

FOMENKO V.A. *Pjatigor'e v XV – seredine XVIII v.* [Pyatigorye in the XV - the middle of the XVIII century]. – Pjatigorsk: Tekhnologicheskii universitet, 2002. – 76 p. (in Russ.)

Fonoarhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij [Phonoarchive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. (in Russ.).

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 164 p. (in Russ.).

Информация об авторе:

Т.Р. Загазев – младший научный сотрудник.

Information about the author:

T.R. Zagazhev – a junior researcher.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.